

Культура. — 1996. — 16 нояб. — с. 13.

“Смертельный” номер

Певица Ирина Садовская и пианистка Светлана Бондаренко представили в Рахманиновском зале любопытнейшую программу из двух вокальных циклов. Оба — бездна. Но “Песни и пляски Смерти” Мусоргского — страшная пропасть под ногами, а “Ярави, песнь любви и смерти” — та светлая бездна, что над головой. К первой решаются подступить единицы (в ближайшей истории это были Вишневская, Архипова, Нестеренко, Хворостовский), во вторую никто из отечественных исполнителей не заглядывал вовсе.

Лариса МИШИНА

Мусоргский. Садовская его понимает, чувствует. Выразить в полной мере — не в силах. Трагическая роль требует и соответствующего дарования, но голос певицы — даже не драматическое сопрано, а ее вокальное мастерство — никак не высший пилотаж (чего стоит один изъян — избытие “нефиксированных” нот, состоящих из подъезда, кратко попадания в искомую точку, ее размывания).

Но все изменилось, когда Садовская взялась за вещь по себе — за “Ярави”, “перуанскую балладу” из мессиановского “Триптиха о Тристане”, где смерть героев не

трагедия, а желанный прорыв к вечной любви, где царят не ужас, не злоекая экспрессия, а созерцательность, доходящая до медитативности, где даже эмоциональные вихри есть шаманское кружение на одном месте. Вот тут у Садовской явилось широкое дыхание, интересные краски, пригасившие изъяны по части техники. И едва замерли звуки последней, двенадцатой, части, захотелось воскликнуть: “Удача!” Садовская в тандеме с тонко чувствующей Бондаренко привела к тайне потустороннего. Разумеется, как и Мессиан, не открыла ее — кому ж на земле это под силу! Зато открыла нам удивительное сочинение. ●